

А. В. Ковальчук

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ЕКАТЕРИНЫ II

во второй половине XVIII в.

ИДЕИ
и ПРАКТИКА

Алексей Ковальчук

**Экономическая политика
правительства Екатерины
II во второй половине
XVIII в. Идеи и практика**

«Нестор-История»

2017

УДК 93/94
ББК 63.3(2)46

Ковальчук А. В.

Экономическая политика правительства Екатерины II во второй половине XVIII в. Идеи и практика / А. В. Ковальчук — «Нестор-История», 2017

ISBN 978-5-4469-1185-1

Свобода и принуждение... Оба эти понятия неотделимы одно от другого применительно ко всем перипетиям многовековой российской истории. Оба приложимы к любой сфере человеческой деятельности. Экономической едва ли не в первую очередь. Какому из двух отдать предпочтение? Императрица Екатерина II, заняв российский престол, сделала выбор в пользу свободы. Но может ли экономическая свобода существовать без политической? И как позабыть об известном со школьной скамьи наивысшем расцвете крепостничества в период ее царствования? Такие вопросы может задать читатель. И будет по-своему прав. Однако далеко не все так однозначно. На протяжении всего правления императрица сохраняла приверженность идее экономической свободы, впитанной вместе с представлениями своего века, века Просвещения. И даже вынашивала в первые годы пребывания на троне замыслы по ее претворению в жизнь. Сформулированные уже тогда новые правила и принципы значительно позднее были положены в основу осуществленной гильдейской реформы. Благодаря ей в движение пришли новые силы, дан импульс развитию свободного предпринимательства. Именно оно стало энергично пробивать себе дорогу фактически наперекор воле императрицы. Но отнюдь не эти силы рассчитывала пробудить Екатерина в своих размышлениях о направлении экономического развития подвластной державы, мечтая о земледельческом изобилии. В настоящем исследовании, основанном преимущественно на впервые вводимых в научный оборот документальных источниках, рассматривается предыстория событий, приведших к перемене правительственного экономического курса в начале 60-х гг. XVIII в.; реконструируется «идеальная» экономическая модель в представлении Екатерины II; прослеживаются практические шаги

императрицы по руководству ключевыми отраслями – винокурением и соледобычей.

УДК 93/94

ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-4469-1185-1

© Ковальчук А. В., 2017

© Нестор-История, 2017

Содержание

Предисловие	7
Глава I. У истоков нового экономического порядка. Конец главенства монополий	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Ковальчук
Экономическая политика
правительства Екатерины II во второй
половине XVIII в. Идеи и практика

© Ковальчук А. В., 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

Предисловие

Екатерининская Россия второй половины XVIII в. и экономическая свобода... Приложимо ли в принципе последнее понятие к российской действительности этого периода? Наверное, большинство профессиональных историков ответят на этот вопрос отрицательно. В самом деле, из школьных учебников в наше сознание пришло и закрепилось представление об этом относительно коротком отрезке российской истории как о времени наивысшего расцвета крепостничества. Что, видимо, недалеко от истины, если брать в расчет статистику массовых земельных пожалований со стороны верховной власти, осуществлявшихся в Центральной России, как правило, вместе с находившимися при земле крестьянами – главной производительной силой своего времени. А еще пугачевщина, всколыхнувшая огромные народные массы. О какой свободе применительно к такой обстановке можно говорить вообще?

В действительности говорить можно и нужно. В отечественной историографии сложилась довольно парадоксальная ситуация. Приблизительно со второй половины прошлого столетия советская историческая школа прилагала огромные усилия, направленные одновременно и на разработку крупных теоретико-методологических проблем, в частности генезиса буржуазных отношений, и на решение конкретно-исторических вопросов. Наверное, неправильно предавать полному забвению аналогичные попытки 1920–1930-х гг., но лежащий на работах этого времени откровенный вульгарно-социологический налет во многом лишал их научного значения.

В целом удалось добиться значительных результатов после выхода в свет ряда чрезвычайно ценных исследований, по праву вошедших в золотой фонд советской исторической науки¹, а также во многом благодаря состоявшейся в 1961 г. Всесоюзной теоретической дискуссии о спорных проблемах перехода от феодализма к капитализму². В те годы сложилось довольно устойчивое представление о периоде последней трети XVIII в. как о времени действительно знаковым, когда в основном завершилось формирование капиталистического уклада внутри феодальной системы. Но данное представление, как ни странно, базировалось скорее на осмыслении отдельных фактов, нежели на их целостном восприятии и обобщении. Конкретных исследований, вскрывавших те или иные пласты хозяйственной жизни в России или экономической политики правительства после 1760 г., за редкими исключениями, не появлялось. В равной степени это касалось идейного отражения названных проблем. Получившее наибольшее признание монографическое исследование С. М. Троицкого о финансовой политике русского абсолютизма в XVIII в., знакомившее читателя с малоизвестными или заново открытыми финансовыми проектами, лишь отчасти хронологически захватывало 60-е гг.³

Тем не менее на 1950–1960-е гг. приходится заметное повышение интереса не только к истории русской экономической мысли в целом, но и к ее конкретным представителям. Оно выразилось в издании обобщающего труда⁴, отдельных исследований преимущественно уче-

¹ Из них назовем лишь некоторые работы, имеющие определенное отношение к теме настоящего исследования: *Бабурин Д. С.* Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939; *Заозерская Е. И.* Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20–60 гг. XVIII в. М., 1960; *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967; *Любомиров П. Г.* Очерки по истории русской промышленности. М., 1947; *Мешалин И. В.* Текстильная промышленность крестьян Московской губ. в XVIII и первой половине XIX в. М.; Л., 1950. *Павленко Н. И.* История металлургии России в XVIII в. Заводы и заводоуправления. М., 1962; *Панкратова А. М.* Формирование пролетариата в России. (XVII–XVIII вв.). М., 1963; *Полянский Ф. Я.* Экономический строй мануфактуры в России XVIII в. М., 1958; *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. Т. 1. Феодальный период (1500–1860 гг.). М., 1954.

² Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969.

³ *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма. М., 1966.

⁴ История русской экономической мысли. М., 1955. Т. 1–2.

ных-экономистов⁵ и документальных публикаций⁶. Среди исследований особенно обращали на себя внимание работы И. С. Бака, в которых давалась довольно развернутая характеристика гильдейской реформы 1775–1785 гг., хотя и не избежавшая присущего своему времени общего социологического налета; отдано должное заслугам М. Д. Чулкова как автора многотомного труда «Историческое описание российской коммерции», подробно проанализированы экономические взгляды А. Я. Поленова, и сегодня оценивающиеся как не утратившие научного значения.

Активизировалась и публикаторская деятельность, коснувшаяся в том числе и произведений ряда русских мыслителей второй половины XVIII в., включая почти никому не известного кроме узких специалистов кн. Д. А. Голицына⁷, русского дипломата, оказавшего много неоценимых услуг императрице Екатерине II. Нельзя не упомянуть и об усилении внимания в историческом сообществе к величественной фигуре В. Н. Татищева во многом благодаря исследованию А. И. Андреева⁸. Оно, безусловно, дало толчок к детальному изучению всего наследия этого не только выдающегося администратора, но и одного из основоположников отечественной исторической науки.

Своего рода показателем определенного интереса к истории экономических воззрений прошлого может служить появление исторического очерка В. В. Орешкина о возникновении и деятельности русского Вольного экономического общества⁹, в котором основной упор сделан на совершенствование естественно-научных и агрономических знаний в XVIII–XIX вв. Но при этом в очерке почти не отражено реальное воздействие передовых западных теорий, в том числе учения физиократов, на Екатерину II.

Еще одно немаловажное значение выходявших в указанные годы исследований заключалось в возвращении, пусть не всегда прямо, скорее исподволь, имен целой плеяды знаменитых авторов дореволюционной поры, далеких от марксистских взглядов или в чем-то с ними расходившихся. В их числе А. С. Лаппо-Данилевский, П. Н. Милюков, В. И. Семевский, М. И. Туган-Барановский, А. Н. Пыпин, П. П. Пекарский, Г. В. Плеханов и многие другие.

Прошедшая в начале 1960-х гг. дискуссия об особенностях становления капитализма в России невольно высветила одну из граней более широкой темы общего и особенного в развитии отдельных стран. Вполне закономерно при этом стало возникать множество вопросов, в том числе о специфике формирования и укрепления в России абсолютной власти. На страницах ведущих исторических журналов развернулась новая дискуссия¹⁰. И хотя ее участники

⁵ См., напр.: Бак И. С. Антифеодальные экономические учения в России второй половины XVIII в. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958; *Он же*. А. Я. Поленов (Философские, общественно-политические и экономические взгляды) // Исторические записки. М., 1949. Вып. 28; Боровой С. Радищев о кредите, банках и деньгах // Деньги и кредит. 1952. № 5; Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956; Остроумов С. А. Н. Радищев как статистик // Вестник статистики, 1949. № 3; Приказчикова Е. В. Экономические взгляды А. Н. Радищева. Изд. 2-е. М.; Л., 1949; Покровский С. А. Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого. М., 1955; Покровский С. А. Государственно-правовые взгляды Радищева. М., 1956; Светлов С. Б. А. Н. Радищев. М., 1958.

⁶ Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1938–1952. Т. 1–3; Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., Изд-во АН СССР, 1951.

⁷ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952. Т. 1–2; Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII в. М., 1959.

⁸ Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746–1750 гг. // Исторический архив. Т. 6. М.; Л., 1951.

⁹ Орешкин В. В. Вольное экономическое общество в России. 1765–1917. М., 1963.

¹⁰ Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104; Шапиро А. Л. Об абсолютизме в России // История СССР. 1968. № 5. С. 69–82; Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1969. № 6. С. 217–234; Чистозвонов А. Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62; *Он же*. К дискуссии об абсолютизме в России // История СССР. 1971. № 3. С. 72–76; Давидович А. М., Покровский С. А. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма // История СССР. 1969. № 1. С. 58–78; Троицкий С. М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России // История СССР. 1969. № 3. С. 130–149; Волков М. Я. О становлении абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 1; Павленко Н. И. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 4; Сахаров А. Н. Исторические факторы

неохотно стремились к унификации исходных дефиниций, явно злоупотребляли цитатами из классиков марксизма в качестве решающих аргументов в споре, некоторая польза от состоявшегося живого обсуждения, несомненно, была, хотя и не все соглашались с достижением на том этапе необходимого уровня конкретно-исторических знаний, достаточным для широких обобщений.

Действительно, ощущалась потребность в развернутых конкретно-исторических исследованиях, основанных на использовании разнообразных документальных источников, наподобие книги М. Я. Волкова, посвященной винокуренному производству в XVII – первой половине XVIII в.¹¹

Предпринятая в конце 80-х гг. ушедшего столетия по инициативе в первую очередь Л. В. Милова попытка возродить интерес к фундаментальным дискуссионным проблемам социально-экономической истории, в частности к проблеме первоначального накопления в России, успехом не увенчалась. Хотя поначалу, казалось, ей был дан заметный импульс в виде откликов на появление во многом этапной монографии В. И. Буганова, А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова «Эволюция феодализма в России»¹². Начать широкую и продолжительную дискуссию на страницах ведущих научных журналов не удалось, несмотря на все имевшиеся предпосылки¹³.

Видимо, причиной этого стало не только постепенное снижение заряженности полемиического потенциала прежних лет. Происходило заметное изменение общественной обстановки в целом на фоне стремительной потери былых идеологических и методологических ориентиров. Общество, вступавшее в фазу острого экономического и духовного кризиса, нуждалось в осмыслении и переосмыслении накопленного опыта и знаний. Общественным наукам требовались новые методологические опоры.

С неминуемым отказом от использования некогда утвержденного в качестве единственно верного марксистского диалектико-материалистического метода познания явлений прошлого стало отходить на второй план и прежде подчеркнутое внимание к экономическим проблемам общества. Не в последнюю очередь оттого, что так называемый примат экономики над прочими сферами общественной жизни, или экономический детерминизм, случалось, принимал довольно грубые, а иногда и гротескные формы. Естественно, в новых условиях ему не нашлось применения.

Неизбежно последовал постепенный пересмотр прежних представлений о социальной структуре докапиталистических обществ. Господствовавший прежде сугубо классовый подход, признававший деление общества на классы и отдельные социальные группы, начал уступать место более гибкому сословному делению, предполагавшему изучение различных внутри- и межсословных связей, т. е. как горизонтальных, так и вертикальных.

Практическим выражением такого подхода стало появление новых плодотворных исследований, посвященных российскому купечеству. Взгляд на него осуществлялся в разных ракурсах – генеалогическом, социокультурном, с точки зрения взаимоотношений с разными институтами государственной власти¹⁴.

образования русского абсолютизма // История СССР. 1971. № 1. С. 110–126; *Титов Ю. Ю.* Абсолютизм в России // Советское государство и право. 1973. № 1. С. 107–112.

¹¹ *Волков М. Я.* Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII – первая половина XVIII в. М.: Наука, 1979.

¹² *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы М.: Мысль, 1980.

¹³ *Орлов А. С.* Вопросы социально-экономической истории в книге «Эволюция феодализма в России» // Там же. 1982. № 3; *Павленко Н. И.* О некоторых спорных вопросах социально-экономического развития России в XVII – первой половине XIX в. // История СССР. 1984. № 3; *Милов Л. В.* О российском типе генезиса капитализма // Новая и новейшая история. 1987. № 2; *Преображенский А. А.* XVII столетие и генезис капиталистических отношений в России // Там же. 1989. № 2.

¹⁴ См., напр.: *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества (Из истории формирования русской буржуазии). М.: Наука, 1988; *Козлова Н. В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. М.: Археографический центр, 1999; *Купеческие*

Заявленный в начале 90-х гг. прошлого столетия переход к рыночным отношениям в экономике потребовал перестройки вузовских учебных дисциплин и сопровождался всплеском интереса к истории мировых экономических учений, включая русскую экономическую школу как отдельное самостоятельное направление. Появляется невиданное ранее количество специальной учебной литературы разного качества и содержания – учебников, учебных пособий, специальных лекционных курсов. Отнюдь не все из них отличались глубоким знанием предмета и привлечением даже известных и давно опубликованных источников, не говоря уже об использовании новых документальных материалов. Зато вошедшие в обиход в качестве своего рода клише общие характеристики и оценки впоследствии лишь бесконечно перелицовывались и многократно тиражировались, переключиваясь из работы в работу¹⁵. Представления об отечественной школе экономической мысли в XVIII в. стали замыкаться в основном на одних и тех же персоналиях – А. Л. Ордин-Нащокине, И. Т. Посошкове, В. Н. Татищеве, М. В. Ломоносове, А. Т. Болотове, М. М. Щербатове, А. Н. Радищеве. При этом из поля зрения непостижимым образом выпало немало таких заметных фигур, как, например, И. А. Третьяков, С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский, А. Я. Поленов. Иными словами, наблюдался определенный регресс даже по сравнению с исследованиями недавнего прошлого (работами А. С. Бака, С. М. Троицкого). Более того, совершенно игнорировались, в первую очередь в трудах ученых-экономистов, заметные и весьма «свежие» документальные публикации о В. Н. Татищеве¹⁶, целый цикл статей А. И. Юхта в «Исторических записках» о нем как о крупном государственном деятеле и, наконец, его же великолепная монография «Государственная деятельность В. Н. Татищева»¹⁷.

Тем не менее необходимо отметить и положительные явления. Они касались в первую очередь книговедения. Развернутые исследования в этом направлении привели к образованию целого мощного пласта книговедческой литературы. Среди всего многообразия изданий, как справочных, так и исследовательских, трудно выделить отдельные. Каждое по своему уникально, будь то региональные каталоги книг гражданской печати из отдельных собраний или специальные изыскания, например скрупулезное исследование Д. В. Тюличева¹⁸. Без них трудно составить представление о культурном пространстве, в котором пребывала элита российского общества XVIII в., включая и слой правительственной бюрократии.

Кроме того, прослеживалась отчетливая тенденция возрастающего интереса к проблемам просвещенного абсолютизма в самых различных ипостасях. Одним из наиболее заметных его проявлений стал историко-правовой подход, продемонстрированный в работах О. А. Омельченко¹⁹. В монографии автора осуществлен детальный и самый полный на сегодняшний день анализ основных законодательных актов периода екатерининского правления с целью показать очевидное стремление верховной власти к укреплению основ «правового абсолютистского государства». Причем автор, в отличие от абсолютного большинства ученых-правоведов, не ограничился привлечением опубликованных законодательных источников. Дополнительно к ним он находил малоизвестные и совсем новые документальные материалы из

дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. / под ред. А. В. Семеновой (рук. проекта, сост., подг. текста, вступит. ст. и коммент.). М., 2007.

¹⁵ В качестве примера можно назвать лишь некоторые из наиболее типичных: История экономических учений. Ч. I. История русской экономической мысли: учебное пособие. М.: Мир книги, 1997; *Белихин В. Г.* История экономических учений. М.: Сирин, 2002; *Воробьев Ю. Ф., Семенова Т. Г.* Особенности становления и характерные черты «русской школы» экономической мысли. М.: Ин-т экономики РАН, 2000; *Зальковский Н. П.* Михаил Васильевич Ломоносов и экономическая наука России. Архангельск, 2001; *Зайцева Л. И.* Первый русский экономист и мыслитель – Иван Тихонович Посошков. М.: Ин-т экономики РАН, 1995; Очерки истории российской экономической мысли / под ред. акад. Л. И. Абалкина. М.: Наука, 2003.

¹⁶ Василий Никитич Татищев. Записки, письма. 1717–1750 / под ред. А. И. Юхта. М.: Наука, 1990.

¹⁷ *Юхта А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. М.: Наука, 1985.

¹⁸ *Тюличев Д. В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской академии наук и М. В. Ломоносов. Л.: Наука, 1988.

¹⁹ *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. М.: Юрист, 1993.

архивных собраний. Правда, без должного источниковедческого описания и атрибутации. Поэтому немало высказанных им суждений, например относительно авторства того или иного документа, звучат категорично и не всегда убедительно.

Существенному углублению представлений о торговой деятельности западноевропейских купцов в России на протяжении XVIII в. способствует капитальная монография В. Н. Захарова²⁰. Основанная на разнообразном документальном материале, она позволяет увидеть меркантилизм в действии во всех его конкретных проявлениях, ощутить биение «пульса негции» через данные о величине торговых оборотов, номенклатуре товаров и объеме внешне-торговых пошлин.

Самого пристального внимания заслуживает диссертация К. Д. Мондэя, посвященная экономическим воззрениям Е. Ф. Канкринна как яркого представителя бюрократической элиты николаевской поры²¹. Ее можно было бы назвать свидетельством некоторых перемен в отношении предмета исследований применительно не только к экономической, но также и к исторической науке, если бы работы подобной направленности не относились к редким, sporadическим явлениям и к тому же обращались к предшествующему, более раннему периоду.

К сожалению, этого не наблюдается, если судить по последнему ценнейшему библиографическому справочнику изданий, посвященному Екатерине II²².

Общее не самое благоприятное впечатление несколько скрашивает выход в свет первой фундаментальной публикации избранных документов братьев Шуваловых, Петра Ивановича и Ивана Ивановича, оставивших после себя весьма заметный след и неоднозначные оценки современников²³. Очевидно их весьма заметное влияние на экономическое развитие страны прежде всего благодаря энергичной деятельности первого из братьев. Оно еще нуждается во всеобъемлющих оценках и требует специального монографического исследования, хотя имеются все необходимые предпосылки в виде двух близких по тематике кандидатских диссертаций²⁴. Возможно, указанная документальная публикация явится прологом к углубленному изучению воззрений представителей правительственной бюрократии второй половины XVIII в.

Пока же приходится констатировать явный недостаток внимания отечественной историографии к экономическим проблемам, стоявшим перед Российской империей в этот период. Он отчетливо просматривается и в недавно вышедших коллективных трудах.

В первую очередь следует назвать новейшее издание, посвященное реформам на протяжении российской истории²⁵. Раздел, посвященный реформам Екатерины II, отчетливо отразил все достоинства и недостатки современного знания о происходивших в данный период реформационных усилиях верховной власти. К несомненным удачам можно отнести стремление к преодолению ряда застарелых историографических стереотипов, в частности при изложении хода и результатов губернской реформы, которую в действительности никак нельзя считать прямым ответом на пугачевщину. На этот счет в разделе приводятся емкие и аргументированные доводы.

Однако страницы, на которых освещаются экономические преобразования, оставляют немало вопросов. При заметных попытках уйти от некоторых прежних ошибочных суждений

²⁰ Захаров В. Н. Западные европейские купцы в российской торговле XVIII в. М.: Наука, 2005.

²¹ Мондэй К. Д. Экономическое мировоззрение бюрократической элиты Российской империи Николаевской эпохи (на примере Е. Ф. Канкринна): автореф. дис.... канд. экон. наук. СПб, 2004.

²² Екатерина II. Аннотированная библиография публикаций / сост. И. В. Бабич, М. В. Бабич, Т. А. Лаптева. М., 2004.

²³ Петр Иванович Шувалов, Иван Иванович Шувалов. Избранные труды / Институт общественной мысли. М.: РОССПЭН, 2010.

²⁴ Корякина Е. П. Программа социально-экономических преобразований П. И. Шувалова. Дис.... канд. ист. наук. М., 1992; Андрияшнев С. В. П. И. Шувалов и его проекты государственных преобразований в 1744–1761 гг. Дис.... канд. ист. наук. СПб., 2007.

²⁵ Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 1–4. М.: РОССПЭН, 2016.

тем не менее в целом этого сделать не удалось. Основной недостаток обусловлен очевидным дефицитом специальных исследований. Но имеются и просчеты другого рода, вызванные скорее небрежностью и невнимательностью. Взять хотя бы июльский указ 1762 г. Он, правда, упоминается, но без какой-либо связи со своим якобы «двойником», указом Петра III от 28 марта того же года, легко доступным в ПСЗ. А ведь оба указа явились заметными вехами во всей экономической политике правительства, став прологом дальнейшего реформирования всей экономической системы. Не говоря уже о фактическом провозглашении в них норм экономической свободы, о которой в разделе вообще не упоминается.

Имеются и явные фактические ошибки, особенно бросающиеся в глаза. Впрочем, они опять-таки проистекают от общей неразработанности темы, но от этого не перестают быть ошибками. Утверждение (пусть и в виде предположения) о невнимании Екатерины II к проблеме преодоления диспропорции между численностью сельского и городского населения²⁶ не соответствует действительности. Императрица в своих первоначальных замыслах, изложение которых опубликовано²⁷, даже выдвигала план строительства малых городов именно ради создания слоя свободных ремесленников, без которых считала невозможным дальнейшее развитие мануфактурной промышленности.

Трудно полностью принять оценку гильдейской реформы Екатерины II, предложенную в данном многотомнике. Наверное, и сама императрица, приступая к реформе, до конца не осознавала всех последствий предпринимаемого ею шага – одного из самых значимых деяний, осуществленных в годы ее правление. Однако спустя почти два с половиной столетия настает пора посмотреть на реформу другими глазами. Она отнюдь не ограничивалась улучшением качественного состава гильдейского купечества, хотя и в этом, безусловно, ее немалое значение. Но гораздо важнее созданный прецедент – переход к созданию нового предпринимательского слоя на основе принципа свободной конкуренции. В этом – квинтэссенция реформаторских усилий императрицы, итог провозглашенной ею политики экономической свободы (не всегда замечаемый не только ее современниками), благодаря которым в 80–90-е гг. XVIII в. происходила быстрая ломка прежних отношений и возникновение еще достаточно неустойчивого, хрупкого экономического режима, являвшегося предвестником складывания буржуазных отношений. На конкретные показатели протекавшего процесса, в том числе статистические, имеющиеся в современной научной литературе и по неизвестной причине оставшиеся незамеченными в данной итоговой работе, указывать даже как-то неловко.

Пробелы отечественной историографии особенно заметны на фоне многочисленных трудов зарубежных коллег применительно к эпохе Просвещения, авторов которых можно причислить к отдельному цеху «историков-экономистов», по определению Дж. Мокира, сделанному в специальном обзоре²⁸. В данном объединении можно даже распознать отдельные течения, особенно со времени выхода едва ли не ставшего классическим двухтомника Э. Хекшера «Меркантилизм»²⁹. Среди них в последние десятилетия особенно заметным становится институциональное направление, увязывающее происходившие в обществах экономические изменения с возникновением и утверждением политических институтов.

Даже попытка беглого сравнения протекавших в России второй половины XVIII в. изменений позволяет увидеть определенное сходство с аналогичными явлениями в ряде западноевропейских стран, имевшими место пусть не совсем синхронно и с определенной спецификой (в первую очередь это касается рентаориентированной направленности экономик Франции,

²⁶ Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. С. 242.

²⁷ См.: Ковальчук А. В. Новые идеи и замыслы экономических преобразований Екатерины II в первые годы правления // Вестник РГНФ. 2014. № 2.

²⁸ Мокир Дж. Меркантилизм, Просвещение и промышленная революция // Terra Economicus. Ростов н/Д., 2006. Т. 4. № 1. С. 7–31.

²⁹ Heckscher E. F. Mercantilism. Vol. I–II. L.: George Allen and Unwin, 1955.

Великобритании, Нидерландов, Германии, Испании, Португалии³⁰ в период безусловного господства меркантилизма). Здесь заметна та же, что и в России, излишняя регулирующая роль государства, проявившаяся в поддержке монополий, насаждении привилегий, запретов, протекционистских тарифов. И постепенный отказ под влиянием идей Просвещения от меркантилистских постулатов в пользу утверждения механизмов свободного рынка. Причем, если судить по работе Дж. Мокира, зарубежным специалистам трудно составить полное представление об экономических проблемах, стоявших перед российской экономикой в период правления Екатерины II.

Однако не все так однозначно. Изабель де Мадарьяга, один из самых авторитетных за рубежом «екатериноведов», не прошла мимо экономических воззрений русской императрицы и со свойственной ей скрупулезностью, испытывая явный дефицит необходимых материалов, тем не менее совершенно верно отметила наиболее важные черты представлений монархини. Они, в частности, касались не только влияния на Екатерину II идей физиократов и вытекавшего отсюда повышенного внимания к развитию земледелия и агрокультуры, но также поощрения в первую очередь мелкого домашнего крестьянского производства в отличие от крупных мануфактур, деструктивно влиявших на привычный сельский уклад из-за массового оттока крестьян в города. Совершенно справедливо также отмечено влияние гильдейской реформы 1775 г. на рост предпринимательской активности, на возникновение множества мелких и средних производств, особенно в текстильной промышленности, субъектами которой стали выходцы не только из низового городского купечества, мещанства, но даже из крестьянства, включая крепостное³¹.

С каких бы позиций ни оценивать влияние экономики на развитие общества, при всем желании трудно не замечать его вовсе, как и существенно преуменьшать роль такового. Или же сводить исследования к построению устойчивых математических моделей. Даже наличие совершенного инструментария вряд ли позволит получить исчерпывающие результаты. Если проходить мимо воззрений и представлений конкретных людей, которые они черпали из реалий своей эпохи, которыми руководствовались в повседневной жизни, развивали и совершенствовали, создавая условия для их воплощения и движения вперед. Или же ошибались, принимали неверные решения, возвращались назад в поисках новых непреложных истин.

Нет необходимости говорить о способности идей к материализации. Конечно, при определенных условиях. Особенно когда они овладевают сознанием. Нет, не массовым. Применительно к докапиталистическим обществам с абсолютистской формой правления им достаточно проникнуть в сознание правящих элит, обладавших необходимыми властными полномочиями. Сейчас трудно даже представить, по какому пути могло пойти экономическое развитие России, если бы престол, скажем, мог удержать Петр III, хотя, видимо, и не слишком отличавшийся по экономическим воззрениям от своей более удачливой и неизмеримо более талантливой супруги.

Допускать подобные предположения возможно лишь только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть значимость и необходимость рассмотрения реально существовавших и господствовавших экономических взглядов у самих носителей верховной власти и в ее среде. Без сомнения, особенно важно принимать их в расчет во время происходивших трансформаций, сопровождавшихся, как правило, сменой правительственного экономического курса и предшествующими ей изменениями в сознании, в сложившихся ранее устойчивых стереотипах.

Именно такая ситуация возникла в России на рубеже 50–60-х гг. XVIII в. Очередная военная кампания, начавшаяся в 1756 г. В какой-то мере локальная, протекавшая на террито-

³⁰ Мокир Джс. Указ. соч. С. 15.

³¹ De Madariaga I. Catherine the Great. A short history. New Haven and London: Yale University press, 1990. P. 176–177, 180–181.

рии третьих стран, за пределами Российской империи. Россия к тому времени сумела поднакопить материальные и людские ресурсы. Как и любая война, она, разумеется, обошлась недешево. Но не успела подорвать силы и обескровить, истощив все резервы. Тем более на театре военных действий события развивались в целом вполне успешно. Следовательно, отсутствовали внешние факторы, способные повлиять на принятие далеко идущих мер, находившихся в совершенно иной плоскости по отношению к взятому еще при Петре I экономическому курсу.

Он же представлялся устойчивым и успешным. Избранное направление на создание в стране собственной индустриальной базы поддерживалось в течение более 40 лет последовательно отстаиваемыми протекционистскими методами в отношении собственных промышленных и торговых предприятий. С их помощью удалось добиться многого. Возникла крупнейшая горно-металлургическая индустрия на Урале. Русское железо становится предметом экспорта на европейские рынки. Из небытия возникает мануфактурная легкая промышленность. Ее силами к 40-м гг. удалось восполнить основные потребности русской армии в мундирных сукнах, а в середине 60-х гг. их производство уже превысило потребности. Дешевые русские льняные полотна начали успешно «захватывать» рынки Великобритании. Темпы их проникновения туда в конце концов вынудили английский парламент в середине 60-х гг. ввести заградительные пошлины в нарушение не столько буквы, сколько духа русско-британского трактата о взаимных приоритетах в торговле. Успехи промышленности и торговли в немалой степени отражались и на российском торговом балансе – главном критерии развитости экономики по меркам господствовавших тогда учений меркантилистов. У России в то время он неизменно пребывал в активном состоянии, т. е. экспорт русских товаров превышал ввоз заграничных к откровенной гордости отечественных государственных деятелей, в хоре голосов которых достаточно явственно звучали нотки уверенных в крепости русского баланса «сырьевиков».

Однако не нужно забывать об издержках протекционизма. Меры государственного поощрения в виде покровительственных торговых тарифов и создания для национального капитала благоприятных условий тесно соседствовали с непосредственным участием государства в большинстве сколь-нибудь значимых частных хозяйственных начинаний. Оно главным образом выразилось в создании довольно узкой предпринимательской прослойки, сумевшей извлечь из благосклонности государства весьма ощутимые преимущества. Например, превратить их в казенные льготы, кредиты, заказы. Но особенно весомой являлась главная привилегия – право на пользование принудительной рабочей силой, в первую очередь «вечноотданными» по указу 1736 г. мастеровыми и работными людьми, приписанными к фабрикам и заводам одним высочайшим росчерком пера. Образование этой прослойки в конечном счете привело к обособлению так называемых «указных» мануфактуристов и заводчиков, получивших право на занятие предпринимательской деятельностью от имени государства по его адресованным отдельным персонам специальным указам. В результате определенного сращивания частного капитала и государства последнее приобрело полностью подконтрольный и подчиненный своей воле инструмент хозяйственного развития, но обращенный в ограниченное замкнутое пространство, не приспособленный к иной среде, условиям и обстоятельствам.

Диктат государства мог проявлять себя по-разному. В том числе и с довольно неожиданной стороны, приведя к образованию во второй половине 1750-х гг. трех, по существу, средневековых торговых компаний-монополий на восточном направлении. Их создание явилось концентрированным выражением давно укоренившейся на российской почве политики исключительных привилегий узких предпринимательских групп, действовавших в ущерб остальным. Однако к их оформлению предпринимательское сообщество не осталось безучастным. В первую очередь купечество Астрахани и низовых поволжских городов, не связанное с государством тесными узами. Оно выразило активный протест, свидетельствовавший о неприятии проводимой правительством политики. Более того, фактическая поддержка протеста сквозила в донесениях астраханских губернаторов.

Во время краткосрочного правления Петра III наметился заметный перелом и в сознании столичных правящих верхов. Они довольно единодушно высказались против монополий и неоправданных хозяйственных привилегий, за свободу торговли.

Между тем, в историографии сложилось представление о наметившихся переменах в правительственной экономической политике только после занятия российского престола Екатериной II. С ее именем прочно ассоциировались разделяемые ею многие европейские либеральные ценности эпохи Просвещения. Одним из первых попытался предположить наличие определенной связи между усвоенными императрицей в молодости идеями просветителей и установлением при ней более свободного режима в экономике А. В. Флоровский³². Мимоходом коснулся этого вопроса и П. Н. Милюков, не избежав, однако, фактических ошибок. Он, правда, стремился увязать сделанные послабления с влиянием учения физиократов: «...С первых годов царствования Екатерины уничтожаются привилегии, данные фабрикам в прежнее время, уничтожаются монополии на заведение фабрик того или другого рода, в том числе и казенных, отменяются льготы от разных повинностей; наконец, манифестом 17-го марта 1775 г. устанавливается принцип свободной конкуренции...»³³.

В последующие годы почти отсутствовавший интерес к данной теме привел к явному оскудению соответствующей литературы. Она представлена лишь эпизодическими, в какой-то мере случайными работами, вышедшими за рубежом³⁴. Некоторое исключение представляет книга А. В. Аникина, написанная по законам научно-популярного жанра³⁵ – в том смысле, что ее автор не опирался на собственные документальные изыскания, но основывался лишь на некоторых возникших в научной литературе предположениях и догадках, не всегда в должной мере обоснованных.

На этом фоне даже небольшую заметку О. А. Омельченко³⁶, появившуюся сравнительно недавно, можно считать заметным историографическим явлением. Автор фактически впервые привлек внимание к законодательным материалам Уложенной комиссии. Они предоставляют редкую возможность ознакомиться с экономическими взглядами императрицы, что называется, из первых рук, по первоисточнику – ее подлинным поправкам и замечаниям к наказу Уложенной комиссии, разработанному от имени Мануфактур-коллегии. Внесенные ею дополнения имеют четко выраженную направленность, позволяющую судить не только о видении основных перспектив промышленного развития страны, но и о порядке, принципах и методах осуществления нового экономического курса.

В целом же обозначенная тема преломления новых веяний, экономических тенденций в сознании правящей российской бюрократии, ответственной за выработку ключевых решений, видится разработанной крайне слабо. Сказанное в равной степени, если не в первую очередь, относится и к позиции императрицы Екатерине II, с самого начала пребывания на троне проявившей себя чрезвычайно сильной личностью, не оставлявшей без внимания никаких значимых предметов государственной важности.

Вытекающая отсюда задача восполнения существующего пробела дополняется необходимостью более детального рассмотрения ряда возникающих конкретных вопросов. В частности, о складывании реальных предпосылок для постепенного перехода от экономики всеоб-

³² Флоровский А. В. К истории экономических идей в России в XVIII в. // Русский народный университет в Праге. Научные труды. Прага, 1928. Т. 1. Отд. 2-е. С. 9–21.

³³ Милюков П. Н. Физиократы в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXV. СПб., 1902. С. 694–695.

³⁴ Флоровский А. В. Указ. соч.; Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. Paris, 1980.

³⁵ Аникин А. В. Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990.

³⁶ Омельченко О. А. Государственное хозяйство и экономическая реформа в законодательной политике «просвещенного абсолютизма» в России (Некоторые новые материалы о законодательных проектах императрицы Екатерины II // Омельченко О. А. Власть и закон в России XVIII в. М., 2004.

щего административного регулирования, регламентаций и контроля к более естественному ее состоянию, основанному на соблюдении принципов экономического равенства и свободы.

Другой вопрос требует переключить внимание с декларативной сущности заявлений верховной власти о приверженности идеалам экономической свободы к практической реализации подобных заявлений и о их восприятию на более низких ступенях государственной власти.

Одним из центральных вопросов является попытка реконструкции экономических взглядов и представлений императрицы до уровня если не целостной доктрины абсолютизма (высказываться подобным образом значит поспешно и явно преждевременно заявлять о ее существовании), то хотя бы до уровня некой концепции, умозрительной конструкции или рабочей гипотезы, несомненно в той или иной форме существовавшей в первые годы царствования Екатерины II.

Наконец, не менее важной задачей может стать ответ на вопрос о степени фактического соответствия первоначальных планов, замыслов и намерений реально предпринимаемым практическим шагам. Даже от курса на достижение самых необходимых и ясно видимых целей порой приходится отклоняться или вовсе отказываться при столкновениях с реальной действительностью, предлагающей ложные ориентиры, а также под давлением сиюминутных обстоятельств. Поэтому одна лишь направленность выбора приоритетного направления хозяйственного развития может говорить о многом, впрочем как и используемые при этом методы.

Для решения поставленных вопросов используются две основные группы источников: опубликованных, включая не слишком часто востребуемые собрания (такие как «Архив князя Воронцова»), и неизданных. Среди первых наибольший интерес вызывают автографы, подлинники и даже копии бумаг Екатерины II, активно издававшиеся Русским историческим обществом в отдельных многочисленных сборниках. Как правило, они печатались практически сразу, что называется «с колес», по мере обнаружения в ходе разбора архивных коллекций, без какой-либо археографической обработки, предварительного текстуального анализа и комментариев. В целом они производят впечатление довольно фрагментарных источников, требующих тщательного сопоставления с другими документами для датировки, подтверждения или уточнения авторства, корректировки некоторых смысловых деталей.

Из документальных публикаций особо следует выделить хорошо известное, но, как представляется, до конца недооцененное исследователями Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ. Собрание I. СПб., 1830). Применительно к рассматриваемому периоду его едва ли справедливо воспринимать в качестве сборника одних лишь обособленных законодательных актов. В действительности его значение гораздо шире. ПСЗ можно рассматривать и в качестве самостоятельного первоисточника. В многочисленные тома собрания нередко помещались без каких-либо купюр доклады Сената по наиболее важным обсуждавшимся вопросам, включая развернутые мнения принимавших участие в сенатских дискуссиях различных сторон. Причем исходные рукописные материалы не всегда легко обнаружить в архивных собраниях. Они могут быть временно потеряны и даже навсегда утрачены. В таких случаях значение Полного собрания законов возрастает многократно. Примечательно, что в некоторых случаях степень полноты, с которой в ПСЗ отображаются отдельные стороны хозяйственной жизни, может заметно разниться применительно к различным видам хозяйственной деятельности. Такое впечатление, например, создается в отношении соляной промышленности, к которой казна питала нескрываемую «слабость», уделяя ей особое внимание.

Безусловно, основной массив источников составляют неопубликованные архивные документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Из целого ряда использованных фондов особо значимыми для настоящего исследования представляются следующие: Кабинета императрицы Екатерины II (Ф. 10. Оп. 1–3), Комиссии о коммерции и о пошлинах (Ф. 397), Коммерц-коллегии (Ф. 276), Новоуложенных комиссий (Ф. 342) и, конечно же, объединенного фонда Сената и его учреждений (Ф. 248).

Документальные материалы первых двух фондов (Кабинета и Комиссии о коммерции) во многом уникальны. В них сконцентрированы преимущественно вышедшие из-под пера самой императрицы или же записанные с ее слов кем-то из статс-секретарей письма, записки, распоряжения, поручения, редакционные поправки, маргиналии (пометки на полях отдельных рукописей), выражающие ход ее мыслей по самым различным поводам. В их числе разнообразные хозяйственно-экономические вопросы, которым она неизменно уделяла самое пристальное внимание и никогда не стремилась переложить целиком всю тяжесть связанной с ними будничной рутинной работы на своих помощников. Как правило, такого рода документальные свидетельства имели сугубо рабочее назначение. А значит, не подвергались редакционной правке, вследствие чего существенно затруднялось последующее восприятие собственноручно написанных текстов из-за весьма неразборчивого монаршего почерка и множества допущенных ошибок самого разного свойства (особенно часто встречающихся в бумагах первых лет правления). О наличии необходимых атрибутов – точной даты, месте написания и др. – также говорить не приходится. Тем не менее, несмотря на немалые трудности при работе с такого рода источниками, даже оборванная фраза, зачеркнутое слово, замененное написанным сверху, могут дать необходимый дополнительный штрих к более точному и целостному восприятию направления мысли. Такие штрихи особенно важны при попытках воспроизведения действительных, ничем или никем не искаженных, взглядов первого лица государства, возможности воссоздания которых дают изначально не предназначенные для посторонних глаз документы. Все же следует признать, что приходилось не раз отказываться от использования некоторых сомнительных фрагментов. Сомнительных с точки зрения неясных смысловых деталей, очевидных нестыковок. В этом отношении документы из фонда Комиссии о коммерции, прошедшие процедуру текущего делопроизводственного оформления, как правило, доступнее для восприятия.

В несистематизированных при жизни Екатерины бумагах за первые годы ее правления особенно заметно ощущается влияние либеральных идей передовых европейских мыслителей-энциклопедистов, со многими из которых, как известно, она состояла в прямой переписке. Императрица неоднократно переносила на бумагу многие запомнившиеся положения, которые, безусловно, разделяла и которыми собиралась руководствоваться в практической деятельности. В их числе и соображения относительно вреда монополий и связанных с их существованием факторов: препятствий, создаваемых на пути распространения подлинной конкуренции, необоснованной государственной поддержки хозяйственных начинаний одних лиц в ущерб многим другим, предоставления исключительных привилегий, постороннего вмешательства в процесс ценообразования (вряд ли в те годы Екатерина успела познакомиться с трудами великого шотландца Адама Смита, но хорошо усвоила один из будущих постулатов его учения, вытекавший из всей логики теории естественного права: справедливая цена устанавливается исключительно рыночными механизмами и в результате конкуренции).

Среди множества найденных фрагментарных, отрывочных высказываний, позволяющих распознать ход мысли императрицы, но не всегда достаточных для определения во всей полноте ее ценностных ориентиров, имеются и вполне целостные, законченные записки, до сих пор не получившие должной оценки. Особый интерес вызывает найденная в фонде Комиссии о коммерции записка Екатерины II «Об учреждении доходов казенных или финансии», которую она подготовила в 1763 г. при образовании самой Комиссии как сугубо рабочий документ для ее членов. Конечно, данную записку с большой натяжкой можно рассматривать в отрыве от двух других примыкающих к ней записок, таких же по характеру.

Одна из них – «Инструкция Комиссии о коммерции и казенных доходах» – черновая, с множеством следов редакционной правки, написанная под диктовку императрицы кем-то из ее статс-секретарей. Другая, переписанная набело копия, – «О учреждении доходов казенных или финансии» – по содержанию исключает сомнения в принадлежности авторства самой

императрице. Оба документа заключают в себе довольно общий набросок первоначального плана совершенствования и реорганизации важных сегментов экономики, далеко выходявший за рамки одной коммерции. Здесь собраны мысли Екатерины, еще не четко сгруппированные. Они даже могут показаться хаотичными, сфокусированными на второстепенных деталях. Но она, приступая к работе, и не ставила перед собой задачи выработать готовый план. Напротив, учреждая Комиссию о коммерции, в первую очередь ожидала от нее выработки подобного плана в процессе обстоятельных дискуссий.

Поэтому не случайно наличие среди подготовительных материалов нескольких не подписанных и не датированных, сугубо «рабочих» записок, посвященных предмету деятельности будущей комиссии, с которыми императрица, несомненно, предварительно была ознакомлена и во многом опиралась на них в своей работе.

Одна из записок, судя по резко обличительному тону и плохо скрываемому раздражению в адрес предшественников Екатерины на российском престоле, могла принадлежать Я. П. Шаховскому, прямому и честному человеку, но не слишком удачливому царедворцу, генерал-прокурору Сената в 1760–1761 гг., включенному Екатериной II в состав организаторов Комиссии о коммерции.

Другая записка, судя по ряду косвенных признаков, скорее всего, была составлена надворным советником Д. М. Одаром, уроженцем итальянского Пьемонта, прибывшим на русскую службу при Елизавете Петровне. В отечественной литературе о нем сохранилось немного сведений. Он больше известен как участник дворцового переворота 28 июня 1762 г., хотя вряд ли играл в нем заметную роль. Современникам же он мог запомниться прежде всего как авторитетный специалист в области торговли и мануфактурного дела. Не случайно Екатерина II определила его одним из первых в состав Комиссии о коммерции при ее создании.

Обе записки, легшие на стол императрицы, несомненно, послужили основой для выработки ею собственного плана насущных экономических мероприятий. Сопоставление содержания обоих названных документов позволяет определить не только общее направление мыслей монархини, но и расставляемые ею акценты.

Но все же именно записка императрицы «Об учреждении доходов казенных или финансов» в наибольшей степени выражает стремление сформулировать общие положения и принципы, не дополняя их частными примерами и деталями. А кроме того, в ней представлен набросок далеко идущего, рассчитанного на перспективу плана экономического преобразования страны. Самыми существенными замыслами императрица поделилась в конце записки. Предпоследний, 8-й пункт документа выделен отдельным заголовком – «О предприятиях заблаговременных к возвышению на будущее время государственных доходов чрез убавку роскоши и размножение фабрик полезнейших». В нем фактически подтверждалась справедливость большинства идей Шаховского и Одара, в том числе двух основных – дальнейшего развития отечественной промышленной базы и поддержания усилий по сохранению активного торгового баланса путем борьбы с роскошью, т. е. за счет сокращения импорта дорогих и необязательных товаров. Но при этом выдвигался собственный оригинальный план, более глубокий и далеко идущий. В его основе лежало отчетливое понимание необходимости решения ключевой проблемы: отечественная промышленность не сможет достичь необходимого уровня для полного вытеснения импортных товаров, если не будет располагать целым слоем квалифицированных городских ремесленников (рабочих) наподобие западноевропейских. Разумеется, лично свободных. Мещанство как особую социальную прослойку предполагалось в основном сформировать из таких ремесленников. Можно, не считаясь с затратами, построить несколько городов (или, как намечалось в одном самостоятельном фрагменте, хотя бы один «мануфактурный» город с особым статусом) для «воспроизводства» городских мещан. Но такого рода усилия возымеют успех только при реформировании всей политической системы. Вопрос ставился именно так. Иными словами, подразумевалось реформирование основ крепостничества.

Для более полного воссоздания конструкции новой экономической модели, которая в начале правления императрицы только складывалась, крайне важен один эпизод, получивший документальное подтверждение. Имеется в виду так называемая «ссора с Мануфактур-коллегией», в которую оказалась вовлечена Екатерина в ходе подготовки к работе Уложенной комиссии в 1767 г. Комплекс документальных материалов, относящихся к этому эпизоду, отложился в фондах Новоуложенных комиссий и Мануфактур-коллегии. На них впервые обратил внимание О. А. Омельченко. В процессе работы с источниками потребовалось сделать некоторые уточнения и практически полностью воспроизвести тексты записки императрицы и наказа Мануфактур-коллегии для необходимого сопоставления и анализа.

Бесценный для настоящего исследования источник – материалы Сената. Особенно с точки зрения поставленной задачи – выявления стоявших перед правительством первоочередных проблем и практических способов их решения. Ввиду отсутствия по настоящее время реальных возможностей для детального описания всего громадного документального сенатского корпуса на уровне отдельно обсуждавшихся вопросов приходилось полностью просматривать все тома, руководствуясь в качестве своего рода навигатора составленной в XIX в. рукописной описью (Оп. 124).

Выявленные сенатские источники можно разделить на несколько основных тематических групп:

I. *Отношение правительства к проблеме «разгосударствления» экономики*, т. е. передачи в частные руки казенных предприятий и некоторых неотъемлемых государственных функций. Эта проблема имела и свой особый аспект: целесообразность и условия оказания государственной поддержки частному сектору.

Как показывают выявленные документальные источники, до 1762 г., т. е. до провозглашения нового, либерального экономического курса, правительство охотно шло навстречу инициативам широких предпринимательских кругов, сначала преимущественно купеческих, передавая им основанные на средства казны предприятия и промыслы. Например, Путивльскую суконную мануфактуру купцу Козьме Матвееву в 1752 г., бумажную фабрику вблизи Петербурга барону Сиверсу в 1753 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2853). Причем передачи, как правило, сопровождалась щедрыми казенными пожалованиями в виде рабочей силы, льготами и привилегиями. Во второй половине 1750-х гг. заметна активизация высшей сановной знати, ставшей наиболее активной участницей дележа государственных активов. В сферу ее интересов вошли не только высокодоходные горно-металлургические предприятия Урала (Там же. Оп. 39. Д. 2864), но и различные промыслы, включая поташные (Там же. Оп. 40. Ч. 1. Д. 2984) и северные морские «сальные» и китобойные (Там же. Оп. 43. Д. 3796), а также участие в крупных компаниях, монополизировавших всю восточную торговлю (Там же. Оп. 40. Ч. 1. Д. 2985), и в масштабных откупных операциях. К числу последних можно отнести беспрецедентную по масштабу и своего рода единственную в истории России акцию по отдаче на откуп частной купеческой компании Шемякина всех государственных таможенных сборов в стране. В научной литературе до сих пор нет исчерпывающей оценки этого факта. Найденные документы позволяют всесторонне рассмотреть отношение сразу трех администраций – Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II – к вопросу о причинах самоустранения государства от взимания таможенных пошлин и понять мотивы, побудившие Екатерину II отказаться от затнувшегося и оказавшегося весьма дорогостоящим для казны эксперимента (Там же. Оп. 40. Ч. 1. Д. 3060; Ч. 2. Д. 3187; Оп. 42. Д. 3590, 8139 (протоколы Конференции при высочайшем дворе)).

Несмотря на масштабную передачу казенных предприятий дворянской верхушке, осуществленную во второй половине 1750-х гг., правительство не всегда действовало безоглядно, в угоду придворной знати, как может показаться на первый взгляд. В 1757 г. Сенат достаточно категорично высказался против передачи обладавшему громадным влиянием при дворе

Роману Воронцову Верх-Исетского доменного и двух екатеринбургских молотовых заводов. По мнению Сената, вокруг этих заводов сложился целый производственный комплекс из имевших стратегическое значение металлообрабатывающих предприятий (оружейных, монетных). На его основе возникла необходимая инфраструктура, включавшая заводское правление, канцелярию, госпиталь, аптеку, офицерскую школу и пр. Кроме того, поблизости были обнаружены золотоносные руды. Поэтому данный комплекс не подлежал искусственному дроблению (Там же. Оп. 39. Д. 2864).

После воцарения Екатерины II основные положения постепенно формировавшейся неофициальной экономической «доктрины», которая так и не была обнародована, стали понемногу вытеснять прежние, недавно казавшиеся незыблемыми представления, сложившиеся еще в эпоху Петра I. В первую очередь те, которые рассматривали государство в качестве основной направляющей и регулирующей силы. Без его всеобъемлющего контроля и участия организация хозяйственной жизни просто не мыслилась. Теперь же в соответствии с провозглашенной экономической свободой государство лишалось своей прежней роли. Новая ориентация всецело на частную инициативу и полную самостоятельность частного капитала, казалось бы, подразумевала устранение государства из всех сфер экономической жизни. Однако, как показывают документы, в действительности этого не произошло. Постепенно сложив с себя полномочия по мелочному контролю, надзору и регламентации, государство тем не менее сохранило в той или иной степени свое участие в различных сферах экономики. Это, например, выразилось в реприватизации ряда крупных металлургических заводов, в стремлении построить несколько жизненно важных казенных предприятий в тех отраслях, куда не спешил приходить частный капитал (Там же. Оп. 42. Д. 3605; Оп. 52. Д. 4331; Оп. 41. Д. 3418; Оп. 42. Д. 3592). Иногда интересы казны требовали вступать в прямую конкуренцию с частными производителями. И тогда она не останавливалась перед тем, чтобы строить собственные предприятия. Особенно это характерно для винокурного производства (РГАДА. Ф. 248. Оп. 43. Д. 3768, 3770, 3773; Оп. 53. Д. 4412). Государство порой не пренебрегало вложением средств даже в те начинания, которые не являлись заведомо перспективными. Так, имеются весьма скептические высказывания императрицы Екатерины II относительно возможностей развития шелкоткацкой промышленности в России. Последнюю она называла пустой безделицей, не имеющей глубоких корней и отечественной сырьевой базы. Тем не менее, невзирая на собственное суждение, она поддержала проект по строительству на юге России казенного шелковичного завода (Там же. Оп. 41. Д. 3415; Оп. 43. Д. 3800; Оп. 51. Д. 4259).

II. *Свобода торговли и меры правительства по исполнению указов 1762 г.* Имеются в виду указы от 28 марта и 31 июля 1762 г., принятые соответственно при Петре III и Екатерине II. Оба документа близки по содержанию и основной направленности. Но они вовсе не идентичны, хотя и воспринимались в научной литературе именно в таком качестве. Если первый указ и по содержанию, и по стилистике больше напоминал пафосную декларацию о преимуществах свободы и вреде запретительных мер для торговли, в первую очередь тех, которые принимались ради установления особого покровительственного режима существования возникших в конце 1750-х гг. торговых компаний-монополий, то второй как более «приземленный» предлагал значительно больше способов конкретных решений в определенных ситуациях. Причем они оба допускали некоторые ограничения или даже прямые запреты, необходимые, по мнению власти, для обеспечения жизненных интересов и потребностей большинства населения.

Найденные и привлекаемые для исследования документальные источники из фондов Сената расширяют представления о причинах, заставивших верховную власть отказаться от проведения прежней политики исключительных привилегий и льгот и встать на путь радикальных перемен. Так, донесения астраханского губернатора Василия Неронова в Сенат конца 1750-х – начала 1760-х гг. рисуют картину острого социального недовольства со стороны купечества и мещанства Астрахани, возмущенных действиями Персидской торговой компа-

нии и компании Шемякина, полностью вытеснивших их из торговли с Персией. Сам губернатор недвусмысленно осуждал деятельность компаний, приведшую к резкому сокращению оборотов русско-персидской торговли, подкрепляя свою позицию различными аргументированными доводами. Причем его доводы были услышаны и поддержаны большинством сенаторов (РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Ч. 1. Д. 2985; Оп. 41. Д. 3262).

Немаловажны документы, подтверждающие заинтересованность правительства в реальном исполнении положений закона от 31 июля 1762 г. и последующих связанных с ним указов. Прежде всего соответствующая инициатива исходила от самой Екатерины II, давшей 10 октября того же года распоряжение Сенату немедленно составить инструкцию, способствовавшую обеспечению свободы предпринимательства и защите купцов от любых притеснений. В результате наметившегося диалога власти и купечества почти все пожелания и требования последнего были учтены (Там же. Оп. 41. Д. 3452).

Не меньшую ценность представляют найденные документальные материалы, показывающие неоднозначное отношение отдельных представителей правящей бюрократии к новому экономическому курсу правительства. В частности, архангелогородский губернатор Е. А. Головцын, направивший в 1768 г. две записки, посвященные развитию северных морских промыслов, – одну императрице, другую в Сенат – поставил под сомнение истинность сформулированного в указах 1762 г. положения о безусловном вреде монополий. По существу, он выдвинул идею государственной монополии на добычу и переработку «сала морских зверей» и горячо отстаивал ее при помощи весьма убедительных, с его точки зрения, аргументов. Но представленная аргументация была встречена весьма холодно в столичных сановных кругах, и начальник северного края остался в полном одиночестве (Там же. Оп. 43. Д. 3796).

III. Винокурение: питейные сборы, откупа и подряды.

Материалы Сената наглядно показывают разный подход правительственной администрации к «питейной» проблеме в период до и после прихода к власти Екатерины II. После реформы 1754–1755 гг., приведшей к установлению монополии дворянства на винокурение, Сенат перестал уделять большое внимание состоянию отрасли, очевидно не связывая с ней наличия каких-либо проблем. Он в основном ограничивался надзором за распределением винных откупов и подрядов, а при возникновении чрезвычайных обстоятельств (по случаю военных действий) прибегал к испытанному средству – повышению цен на вино и соль (Там же. Оп. 40. Ч. 1. Д. 2982, 3070).

Екатерина II после воцарения поначалу негативно отнеслась к повсеместному распространению винокурения и даже вознамерилась принять меры к сокращению производства вина. О таком намерении она заявила в собственноручной записке (недатированной) своему статс-секретарю Г. Теплову, рекомендовав установить в каждой провинции своего рода квоты на хлеб, употребляемый для «сидки» или «курения» вина, «...чрез чего раз навсегда прекратилось [бы] умноженья число пьяниц и менее истребилось лес[ов], и хлебной торг умножился бы более чем ныне, где всякой только старается для собственной прибыли умножить свой виннокурный завод истреблением хлеба, леса и умножения пьяниц» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 171).

Однако по прошествии некоторого времени личное неприятие императрицы в очередной раз уступило соображениям государственной пользы, после того как составилось полное представление о высоких доходах казны, получаемых от торговли вином. Фискальные интересы оказались сильнее желания искоренить пьянство, сохранить в целости леса и расширить хлебную торговлю. В 1765 г. Екатерина уже напряженно работала над Уставом о винокурении, заботясь только о повышении казенной прибыли от виноторговли, искоренении корчемства и различных злоупотреблений частных подрядчиков, и, по всей видимости, даже не допускала мысли об отказе от государственной винной монополии.

Сильный импульс, данный императрицей развитию отрасли в расчете на более эффективное использование возможностей винной монополии, не мог обойти стороной Сенат. Тому сразу же пришлось включиться в решение ряда неотложных задач, проистекавших из неупорядоченных отношений казны с винными поставщиками-подрядчиками. Документальные материалы Сената говорят о довольно сложной ситуации, сложившейся в 1766–1767 гг. из-за ценового сговора дворян-винозаводчиков, предъявивших казне явно завышенные и заведомо неприемлемые требования. В результате ряд провинций и целых губерний могли остаться вообще без вина, чего правительство, разумеется, никак не могло допустить. Ему пришлось принимать экстренные меры, вплоть до покупки вина за границей, чтобы предотвратить винный дефицит. С другой эффективной мерой давления на несговорчивых дворян – владельцев винокуренных заводов пришлось согласиться императрице. Эта мера заключалась в привлечении к участию в казенных винных подрядах купцов и разночинцев. Она напрямую противоречила монополии на винокурение, дарованной высшему сословию Елизаветой Петровной и подтвержденной Уставом о винокурении от 3 августа 1765 г. Не менее эффективной мерой было признано строительство государственных винных заводов на казенных или дворцовых землях, чему Сенат был вынужден уделять повышенное внимание. Ему также в течение довольно длительного времени приходилось при помощи Камер-коллегии следить за результатами торгов с подрядчиками при заключении новых контрактов на поставку вина (РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Ч. 1. Д. 3056; Оп. 43. Д. 3769, 3770, 3773, 3786; Оп. 53. Д. 4412).

IV. «Соляная» проблема. Бесперебойное обеспечение населения солью по доступным ценам относилось к числу приоритетных и едва ли не постоянных задач любого правительства. Во всяком случае, материалы Сената второй половины XVIII в. указывают на это со всей определенностью. В них зафиксированы регулярные обращения власти к данной теме, о чем свидетельствует найденное сводное дело о соли и соляных сборах, в котором содержатся выписки из законодательства, начиная с Торгового устава царя Алексея Михайловича. Дело было заведено по инициативе Екатерины II, издавшей соответствующий указ 17 июля 1762 г., т. е. почти сразу же после прихода к власти. Данный факт сам по себе весьма красноречив и говорит о том значении, которое верховная власть придавала снабжению населения солью как одним из самых жизненно важных продуктов, а также всем связанным с ним вопросам. Императрицу прежде всего интересовало, «... каким наилучшим способом возможно с соли сверх нынешней из пятидесяти копеек гривенной збавки еще большую збавку... учинить», но при этом одновременно добиться увеличения казенных сборов от соляной продажи. Кстати, ближайшим предшественником Екатерины II, которого интересовал примерно тот же круг вопросов, был неутомимый прожектор времени царствования Елизаветы Петровны генерал-фельдмаршал П. И. Шувалов. В деле сохранились два его проекта 1747 и 1752 гг., посвященные соли и увеличению казенных доходов.

В целом сенатские материалы существенно дополняют источники других фондов, представляя мнения и взгляды чиновников разного уровня, в том числе всех членов Соляной конторы. Эти мнения и взгляды касаются самого широкого круга вопросов, от сугубо технических – качества соли, добываемой на различных месторождениях, организации соледобычи, наиболее рациональных способов транспортировки и реализации продукции и до определения оптимальных величин налогообложения соляной продажи с точки зрения соблюдения необходимого баланса интересов казны и населения. Отражают они и разброс суждений по вопросу о степени участия государства в решении «соляной» проблемы, который особенно остро встал во время правления Екатерины II. Примечательно, что среди столичной бюрократии нашлось немало сторонников отстранения государства от ее решения и предоставления соляной отрасли полной свободы и независимости. Однако императрица, уделявшая исключительно много внимания данной проблеме (например, она не жалела сил, собственноручно перерабатывая и редактируя Устав о соли, как самый прилежный бюрократ в лучшем значе-

нии этого слова), придерживалась иной точки зрения. Еще предстоит до конца разобраться во всех нюансах, определивших ее предпочтения. Однако несомненно одно: отчасти вопреки вере императрицы в личную инициативу и большую отдачу, получаемую частным капиталом по сравнению с казенным, государство при ней сохранило за собой контроль за соледобычей, соляными подрядами и, главное, за ценообразованием на такой социально значимый продукт, каким в те времена являлась соль. Правда, сохранение контроля со стороны казны обнаружило и свою оборотную сторону. Распределение подрядов Соляной конторой между частными поставщиками (как соледобытчиками, так и перевозчиками) оказалось весьма доходным делом. От соблазна получать немалую мзду от благодарных получателей подрядов не удержалось большинство ее чиновников. После расследования вскрывшихся злоупотреблений образовалось громадное по объему следственное дело, показавшее истинные размеры процветавшей в Соляной конторе коррупции (РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2952; Оп. 41. Д. 3388; Оп. 40. Ч. 1. Д. 2982, 3056; Оп. 41. Д. 3397; Оп. 46. Д. 4073; Оп. 50. Д. 4203; Оп. 52. Д. 4334).

Собранные в фондах Сената документальные материалы, сгруппированные в указанные четыре тематические группы, отражают основные, приоритетные направления деятельности правительства в исследуемый хронологический отрезок. Разумеется, ими далеко не исчерпывается все многообразие этой деятельности. Однако другим вопросам «государственной экономики» Сенат уделял несравненно меньше внимания. В их числе, например, вопрос о судьбе некогда экспортно ориентированных поташного и смольчужного промыслов, свернутых ради стремления к сохранению лесов от полного истребления (Там же. Оп. 40. Ч. 1. Д. 2984; Оп. 43. Д. 3831, 3760; Оп. 46. Д. 4025); о казенных подрядах армейского сукна, которыми непосредственно занимался Кригс-комиссариат (РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3418); об экономических рычагах сдерживания роста цен на золото и серебро (Там же. Оп. 43. Д. 3770); о мерах по улучшению состояния северных морских промыслов (Там же. Оп. 46. Д. 4107); о средствах экономического воздействия в борьбе с роскошью, которая из объекта публицистики, осуждавшей людское стремление к материальным благам и комфорту с точки зрения морально-этических норм, превратилась в некоторое подобие экономической категории (Там же. Оп. 44. Д. 3901).

Вместе с тем существовали чрезвычайно важные для верховной власти направления хозяйственно-экономической деятельности, которые за небольшими исключениями могли не попадать в сферу ведения Правительствующего сената. В основном по двум причинам. Либо требующие безотлагательного решения вопросы нуждались в быстром и квалифицированном заключении достаточно узких специалистов. И тогда выработкой решений занимались отдельные ведомства уровня коллегий или временно создававшиеся специальные комиссии. Либо поднимавшиеся вопросы имели особо важный характер и требовали обсуждения в обстановке полной секретности. Тогда в нем принимал участие узкий круг лиц, пользовавшихся исключительным доверием императрицы.

К направлению первого рода принадлежали, например, вопросы, касавшиеся борьбы с контрабандой, наиболее рационального устройства цепи пограничных таможен, внесения изменений в статьи Таможенного тарифа. Они были отнесены в основном к компетенции Коммерц-коллегии, а позднее и Комиссии о коммерции. Сенат же как более высокая инстанция подключался к обсуждению указанных вопросов на завершающей стадии, когда требовалось утверждение уже подготовленных решений. Тем не менее имеющиеся в делах экстракты протоколов предшествовавших «рабочих» заседаний, как правило, дают достаточно полное представление о предмете и характере обсуждений (Там же. Оп. 39. Д. 2769, 2786; Оп. 41. Д. 3382, 3418; Оп. 51. Д. 4258; Оп. 53. Д. 4420).

К направлению второго рода относились вопросы преимущественно из области финансов, которые целесообразно рассматривать отдельно, в самостоятельном исследовании.

Как представляется, названные документальные источники, собранные воедино, вполне могут явиться необходимой основой для решения сформулированных задач.

Глава I. У истоков нового экономического порядка. Конец главенства монополий

Решение о смене экономического курса правительства, принятое 5 января 1761 г. на заседании Конференции при высочайшем дворе, последовало отнюдь не спонтанно. По мнению С. М. Троицкого, изучившего протокол этого заседания, изрядно истощившаяся за время Семилетней войны казна уже не могла пополняться за счет практически исчерпанных традиционных источников, таких как повышение цен на соль и вино, а также перечеканку медной монеты. Мысль о необходимости более активно и широко использовать другие источники доходов стала все отчетливее звучать за несколько лет до этого во многом исторического заседания в сочинениях видных государственных деятелей – П. И. Шувалова, Д. В. Волкова, Р. И. Воронцова, Ф. И. Сукина и др. В них обращалось внимание на необходимость всемерного развития торговли, преимущественно внешней, и промышленности, не отягченного различными неоправданными запретами и ограничениями. Пожалуй, наиболее емко эту мысль выразил конференц-секретарь Д. В. Волков. Не случайно ряд его предложений почти дословно вошел в итоговый текст решения Конференции и в принятый позднее, при Петре III, указ от 28 марта 1762 г.³⁷ (о нем речь пойдет в следующем разделе главы).

Несомненно, еще одним побудительным мотивом для пересмотра правительственных экономических воззрений явились результаты функционирования возникших с санкции правительства Елизаветы Петровны во второй половине 1750-х гг. трех торговых компаний-монополий. Эти компании – Персидская, Темерниковская и Среднеазиатская – учреждались для ведения внешнеторговых операций в Персии (Иране), Турции и Среднеазиатском регионе на территории Хивы и Бухары с примыкавшими к ним землями. Деятельность названных компаний всесторонне проанализирована А. И. Юхтом в его чрезвычайно ценной книге, ставшей итогом многолетних исследований автора, насыщенной новым разнообразным фактическим материалом, преимущественно архивным, обеспечившим взвешенность выводов и характеристик³⁸. Поэтому нет необходимости подробно следовать за фактической канвой событий, повествующих о всех перипетиях образования и деятельности компаний. Основное же внимание необходимо уделить тем конкретным соображениям, которыми руководствовалось правительство, принимая решения о создании компаний и наделении их исключительными преимуществами, а также реакции на них в обществе, в том числе в бюрократической среде.

«Неустройства» и «замешательства» в Персии, вызванные вспыхнувшей там с конца 1740-х гг. междоусобицей, держали в постоянном напряжении русское правительство. Особо беспокоило значительное сокращение объема внешней торговли со странами Закавказья и Персией (Ираном) и падение пошлинных сборов. По данным А. И. Юхта, общая сумма оборотов русско-иранской «негоции», а также европейско-восточной транзитной торговли уменьшилась с 757 тыс. руб. в 1754 г. до 447–487 тыс. руб. в 1756–1757 гг.; величина таможенных поступлений сократилась вдвое – с 37915 руб. в 1755 г. до 18439 руб. в 1757 г.³⁹

В этих условиях требовались безотлагательные меры для «поправления» ситуации. Первыми с соответствующей инициативой подоспели крупные российские купцы, являвшиеся в большинстве своем и владельцами промышленных предприятий. В декабре 1754 г. в Сенат поступило прошение группы купцов из 7 человек во главе с коллежским асессором Козьмой Матвеевым, известным откупщиком и собственником южноуральских железоделательных

³⁷ Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 182–184.

³⁸ Юхт А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е годы XVIII века). М., 1994.

³⁹ Юхт А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е годы XVIII века). М., 1994. С. 102.

заводов (в нее входили Д. Я. Земской, В. М. Хастатов, Б. П. Струговщиков, И. Б. Твердышев, А. И. Ярославцев, П. М. Волковойнов). В прошении обосновывалась необходимость создания российской купеческой компании для торговли с Персией и наделения ее исключительными привилегиями.

Наиболее полные сведения на этот счет имеются в специальном сводном деле из фонда Сената, посвященном образованию и деятельности трех упомянутых торговых компаний⁴⁰. На него целиком опирался в своем исследовании А. И. Юхт. Кроме того, существует и другое дело, обнаруженное автором сравнительно недавно случайным образом (его общий заголовок не раскрывает всего содержания книги, в которой, как оказалось, немало места отведено и теме русско-персидской торговли)⁴¹. Последнее дело в ряде случаев существенно дополняет предыдущее, особенно в части, касающейся предварительных сенатских слушаний относительно условий создания компании «персидского торгова».

Первый ответ Сената на прошение купцов датирован 13 декабря 1754 г.⁴² Он выражал лишь некоторую заинтересованность правительства в поступившем к нему предложении. Адресованный купцам, по существу, единственный запрос о величине предполагаемого ими к вложению в предприятие капитала подразумевал принципиальное согласие Сената с основным требованием заявителей предоставить им монопольное право на торговлю с Персией сроком на 15 лет. Вместе с тем, Сенат запросил и Коммерц-коллегию об имевшемся у просителей опыте торговли с Закавказьем и Ираном и величине торговых оборотов. Выяснилось, что таким опытом обладали только трое из предполагавшихся учредителей компании – Д. Я. Земской, В. М. Хастатов и П. М. Волковойнов. По полученным от Астраханской портовой таможни данным, в 1750–1753 гг. они отправляли в Персию только грубые сермяжные сукна (очевидно, русского производства), невыделанные кожи и пшеницу. Причем сведений об объеме партий товаров, ценах и размере уплаченных пошлин не имелось⁴³.

Ответ «компанейщиков» не заставил себя долго ждать ввиду обнадежившей их реакции правительства. По поводу своих будущих финансовых вложений, размер которых больше всего интересовал Сенат, они предпочли выразиться достаточно уклончиво, предложив два возможных варианта. Согласно первому, в случае создания компании закрытого типа и предоставления ее семи учредителям требуемых привилегий, они обязывались «торг производить без отмены» на первоначально представленных условиях, не привлекая капитал извне путем выпуска и размещения акций. При этом величина «некой» суммы из собственных средств, якобы предназначенной в качестве стартового капитала, так и не была названа. Второй вариант предполагал уже иную схему, не предусмотренную первоначальными кондициями. Судя по тому, что именно ему уделялось в прошении наибольшее внимание, он и являлся предпочтительным. В соответствии с новым выдвинутым купцами предложением компания образовывалась «по примеру» или образцу различных европейских компаний, привлекая средства акционеров. С этой целью планировался выпуск 300 акций номинальной стоимостью 500 руб. каждая. 200 акций оставались в собственности учредителей. Прочие участники, приобретя без всяких ограничений оставшиеся 100 акций, вливались в компанию и получали право пользования всеми ее преимуществами («авантажами»). Примечательно, что учредители выдвинули одним из пунктов кондиций предоставление им казенной беспроцентной ссуды сроком на один год в размере 100 тысяч руб. для реального обеспечения выпускаемых акций⁴⁴. Наличие такого

⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Ч. 1. Д. 2985.

⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2952.

⁴² Юхт А. И. Указ. соч. С. 103.

⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2952. Л. 402.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2952. Л. 402–403, 409–409 об., 420 об. – 421.

требования могло заставить Сенат усомниться в состоятельности просителей и серьезности их намерений.

Однако этого не произошло. Правда, судя по всему, состоявшиеся в феврале 1755 г. предварительные обсуждения оказались длительными и непростыми. Согласно протоколам собраний Сената, потребовалось 4 заседания (7, 9, 15 и 20 февраля⁴⁵), чтобы выработать согласованную позицию. Но она оказалась в целом достаточно благожелательной по отношению к проекту К. Матвеева с товарищами.

Участвовавших в заседаниях сенаторов⁴⁶ не смутило содержание поступившей 19 февраля 1755 г. челобитной, прибывшей вместе с донесением астраханского губернатора генерал-майора Алексея Жилина. В ней выражался резкий протест всего астраханского купечества против намерения нескольких купцов «верховых городов» основать компанию для торговли с Персией с исключительными привилегиями (также упоминались и среднеазиатские города Хива и Бухара, на торговлю с которыми компания К. Матвеева в действительности не претендовала, даже не называя их в своем прошении). Челобитная, датированная 28 января 1755 г., явно основывалась на несколько преувеличенных слухах. Однако в главных чертах все слухи, буквально взбудоражившие астраханских торговцев, вскоре подтвердились.

Направленную в Астраханскую губернскую канцелярию челобитную подписал весь «купеческо-мещанский интернационал» Астрахани, выступивший единым фронтом. Он состоял, согласно своеобразной национально-вероисповедальной градации источников, из русских, армян, татар и даже «католиков».

Основное содержание жалобы сводилось к следующему. 1. Астрахань с момента своего основания населялась и расширялась в основном за счет торговых людей – не только русских, но и принявших в значительном количестве российское подданство выходцев из сопредельных государств. 2. Торговые операции местного населения с Персией, Хивой и Бухарой, направлявшего туда в основном товары российского производства, приносили императорской казне немалые денежные поступления в виде таможенных отчислений, в том числе золотом и серебром. Причем на данное обстоятельство неоднократно обращалось особое внимание. 3. Благодаря тесным связям жителей торговых слобод Астрахани в первую очередь с Персией они стали заводить различные фабрики на «персидский манер»: текстильные (главным образом шелкоткацкие), кожевенные и проч. – и вывозить в Персию готовые товары своих фабрик; кроме того, в Персии осуществлялась закупка шелка-сырца и хлопчатой бумаги не только для собственных астраханских предприятий, но и для остальных российских мануфактур. 4. Намерение К. Матвеева с товарищами образовать компанию для торговли с Персией с исключительными привилегиями неминуемо приведет к прекращению торговой деятельности всего населения Астрахани, занятого в ней, вызовет остановку фабрик и, в конечном счете, вынудит большинство населения, особенно нерусского, покинуть город. 5. Высказывалось предложение ни под каким видом не допускать реализации проекта К. Матвеева или, по крайней мере, разрешить создание аналогичной торговой компании, доступной для вступления в нее всем жителям Астрахани, «...не исключая тех, которые и малой свой капитал положить пожелают, почему как от коммерции, так и от своих трудов всем будет безобидное удовольствие»⁴⁷.

Последние слова выражают суть требований купеческо-мещанских кругов Астрахани, не обладавших достаточными капиталами для того, чтобы войти в компанию К. Матвеева. И они это отчетливо осознавали.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2952. Л. 399.

⁴⁶ Протокол Сената подписали А. Бутурлин, кн. Борис Григорьевич Юсупов, кн. Михаил Голицын, гр. Петр Иванович Шувалов, кн. Иван Андреевич Щербатов, кн. Алексей Дмитриевич Голицын, кн. Иван Одоевский.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2952. Л. 402–406; Оп. 40. Д. 2985. Л. 353–355 об.

Столь же отчетливо понимал и разделял их тревогу астраханский губернатор А. Жилин, о чем он прямо написал в донесении Сенату. По словам Жилина, «...ежели от вышеобъявленных астраханских граждан, российских купцов, а паче от выехавших из Персии, из Турецкой области и из других стран, вступивших во всероссийское подданство разных наций мещан вышеозначенной в Персию торг отъимется, то могут всеконечно притти в крайнее убожество и выехавшие из Персии и из Турецкой области и протчих стран разных наций купцы, кои хотя уже приняли вечно и временно всероссийское подданство, увидя отъемлемой от них полезной торг, разъехаться по-прежнему в свое отечество [могут], чрез что от казны е. и. в. в пошлинном зборе последовать может немалое уменьшение»⁴⁸. Показателен акцент, сделанный губернатором именно на фискальном характере самого довода. Возможно, он лично его не разделял, но счел необходимым прежде всего предупредить о возможных потерях казны от уменьшения пошлинных сборов, а не от сокращения численности российских подданных. Очевидно, он прекрасно понимал, какие приоритеты ставились правительством во главу угла.

Сенат, явно склоняясь на сторону компанейщиков во время обсуждения представленных ими повторно кондиций, не пожелал внять ни доводам противной стороны, т. е. купеческо-мещанской части населения Астрахани, ни губернатору Астраханского края. Он даже не счел нужным привести свои контраргументы, ограничившись лишь следующим утверждением: «...От учреждения оной компании торгующим доныне в Персию купцам никакого помешательства и в купеческом их промысле повреждения быть не может, потому что могут они записатца и акции свои во оную компанию положить, и чрез то равномерными аванжами пользоватца»⁴⁹.

Когда же речь зашла о наиболее значимом в глазах Сената вопросе – величине капитальных вложений в компанию, тот решил отстаивать идею равенства, руководствуясь при этом формальными соображениями. Предложение купцов насчет выпуска 300 пятисотрублевых акций, из которых 200 оставались бы в руках директоров компании, он решительно отверг, потребовав увеличения выпуска направляемых в свободную продажу акций до 200 и установления тем самым паритета. Сенат никак не мотивировал свое требование, видимо считая обеспечение подобного равенства залогом баланса интересов учредителей компании и сторонних акционеров. Последним из числа астраханского купечества предоставлялся срок в четыре месяца для выкупа половины акций после объявлений Астраханского магистрата. В противном случае невыкупленные акции переходили к директорам компании⁵⁰.

Сенат не оставил без внимания и поднятый в прошении купцов вопрос о номенклатуре вывозимых будущей компанией товаров. Он не согласился с предложенным К. Матвеевым с товарищами довольно узким и выборочным перечнем⁵¹, распорядившись отправлять в Персию все товары «без изъятия с платежом указных портовых и внутренних пошлин», исключая запрещенные к вывозу⁵². Как особо подчеркивалось в сенатском предписании, купцам, не вступившим в «Российскую в Персию торгующую первую компанию» (так предполагалось имено-

⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2952. Л. 406.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2952. Л. 408 об.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2952. Л. 409 об. – 411.

⁵¹ В этом перечне значились: русские сермяжные сукна, коровье масло, говяжье и баранье сало, мыло, холст, юфть «красная говяжья и конская», «звериная всякая мягкая рухлядь», невыделанные кожи, пшеница и пшеничная мука, писчая бумага, брусковая краска (привозная из-за границы), перец «горошетою», синий и красный сандал (также заграничные краски), сахар и сахарный песок, европейские сукна «всякого звания» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2952. Л. 407 об. – 408).

⁵² В довольно пространный перечень запрещенных к вывозу значились преимущественно товары военно-стратегического назначения, перемешанные с сугубо «мирными»: суда, «струшки», порох, свинец, кремни, железо «в прутах, в крицах и дощатое и в слитках», ружья, топоры, стрелы, «стрельные железницы», гвозди, любые «воинские припасы», предметы из «ногайского и татарского полона», включая соколов, кречетов, «кречетных чегликов» и «любых» птиц; золото и серебро в любом виде, в том числе в монетах; пушки и мортиры, «горючая» сера, селитра, всевозможные предметы военной амуниции, в том числе невыделанные кожи и лосины, якоря, канаты, парусина, смола; и, наконец, «из калмыцких улус» верблюды, лошади и «протчая скотина» (Там же. Л. 408–408 об.).

вать ее в дальнейшем) путем приобретения ее акций запрещалась любая торговля с Персией и на побережье Каспийского моря.

Не вызвали возражений пункты кондиций о сопровождении, в случае необходимости, денег и товаров на пути в Москву казенными воинскими вооруженными командами, о постройке или покупке силами компании морских торговых судов, даже несмотря на то что по указу Сената в 1752 г. была учреждена в Астрахани специальная мореходная компания, имевшая 25 торговых судов, которой было дано монопольное право на перевозку по Каспию грузов в Персию⁵³.

Зная об особом радении правительства о приросте поступлений иностранной валюты в российскую казну, компанейщики включили отдельный пункт, призванный продемонстрировать их собственную заботу о том же. В нем они брали на себя обязательство отдавать все вырученное от персидской торговли золото и серебро в казну и получать за него без задержки деньги «по указным ценам». Кстати, в другом пункте, касающемся просимой ими у правительства беспроцентной ссуды на 100 тыс. руб., они обязались расплатиться за нее также золотом и серебром после завершения торговых операций. В случае же возможной задержки выплат переносимый на следующий год расчет с казной должен был осуществляться с учетом погашения дополнительных процентных платежей по ставке 6 % годовых⁵⁴.

Компанейщики также просили не облагать весь купленный и привозимый в Россию шелк и «прочие товары» внутренними пошлинами. В ответ Сенат выразил готовность продолжить оказание поддержки отечественной промышленности и согласился на беспошлинный ввоз шелка-сырца «для размножения и приведения российских шелковых фабрик в лутчее состояние». Однако в отношении сборов с «прочих товаров» он остался непреклонен, решив сохранить без изменений общие основания.

На этом Сенат удовлетворился содержанием кондиций, как и рядом присутствующих в них технических деталей, и 22 февраля подписал направляемый на утверждение Елизаветы Петровны доклад. В нем, видимо не сомневаясь в успехе предприятия, Сенат счел нужным испросить у императрицы награждение чинами четверых членов компании: Козьмы Матвеева – надворным советником, а Данилы Земского, Ивана Твердышева и Василия Хастатова – титулярными советниками⁵⁵. Данный жест дополнительно подтверждал и символизировал заинтересованность государства в пользе начинания компании К. Матвеева и благожелательное к нему отношение.

Доклад попал на стол к императрице 25 марта 1755 г.⁵⁶ И не был утвержден. О подлинных причинах отказа можно только догадываться. В источниках на этот счет нет прямых сведений. Вероятно, какую-то роль сыграло активное противодействие планам К. Матвеева со стороны торгово-промышленного населения Астрахани, поддержанного астраханским губернатором. Скорее же всего объявились новые претенденты на получение монополии «персидского торга».

Впрочем, до начала 1758 г. переговоры с К. Матвеевым и товарищами все еще тянулись. В феврале этого года Сенат, видимо, по поручению императрицы решил выяснить их намерения, в особенности готовность отказаться от притязаний на получение беспроцентной ссуды в 100 тыс. руб. и «награждение» чинами⁵⁷. Вопрос оказался далеко не праздным, поскольку в это время правительство приступило к переговорам с другими «желателями» и определяло наиболее оптимальные для казны условия. Словно предвидя безрезультатность дальнейших притязаний с правительством, еще 19 февраля того же года сибирский купец И. Б. Твердышев

⁵³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2952. Л. 414–415.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2952. Л. 415–415 об., 420 об. – 421.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2952. Л. 422 об.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Д. 2985. Л. 428.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Д. 2985. Л. 468 об.

уведомил Сенат о своем выходе из состава учредителей так еще и не созданной Персидской компании, сославшись на нехватку собственного капитала, значительную часть которого он употребил на строительство новых железоделательных заводов⁵⁸.

Весьма вероятно, такое решение возникло у Твердышева после известий о появлении новых влиятельных конкурентов, в первую очередь придворных вельмож.

В ноябре 1756 г. последовало обращение Р. И. Воронцова, просившего о 15-летней монополии на торговлю с Персией. Правда, первоначально речь шла только о вывозе российской соли от Астраханского порта в обмен на шелк, корень марены (использовался главным образом для окраски сукон в красный цвет) и нефть. Воронцов сообщал о намерении привлечь к своей затее бригадира А. П. Мельгунова. Предполагалось добывать для продажи до 100 тыс. пудов соли в озерах «между Астраханью и Кизляром, в урочищах Мачагах и Башмагагах», начиная с 1757 г., платя в казну по 5 коп. с пуда в виде пошлин. Воронцов также просил разрешения на постройку 3 транспортных морских судов. На словах он не возражал против участия в торговле аналогичными товарами других желающих с российской стороны, но требовал осуществлять транспортировку всех грузов по Каспийскому морю исключительно на его судах, невзирая на указ 1752 г., предоставивший исключительное право грузовых перевозок по Каспию вновь образованной Астраханской морской судовой компании, располагавшей 25 судами и вверенной «попечению» астраханского губернатора. Прошение Р. И. Воронцова было удовлетворено по всем пунктам, включая постройку морских судов, что зафиксировало адресованное Коммерц-коллегии распоряжение императрицы от 16 сентября 1757 г. Обойти указ 1752 г. помогли выявленные факты неоднократной гибели судов вследствие «небрежения» Морской судовой компанией своими обязанностями по обеспечению безопасности перевозок и отсутствия на судах квалифицированных команд из обученных матросов, о чем извещал Сенат находившийся в Персии консул Чекалевский⁵⁹.

В июле 1757 г. с аналогичной просьбой обратился в Сенат другой представитель сановной знати – кн. П. И. Репнин. Служба при дворе в звании камергера не мешала ему активно заниматься предпринимательством. Сферами его разнообразных интересов и приложения капиталов являлись и винокурение, и металлургическое производство, и шелкоткацкая промышленность. В этот раз с помощью своих связей Репнин рассчитывал заполучить прибыльную внешнюю торговлю с Персией. Прося о 15-летней монополии, он не посчитал нужным как-то ограничивать себя узким перечнем предполагаемых к вывозу товаров. В указанной им номенклатуре значились зерно пшеницы и пшеничная мука, «неделанные» железо и чугун наряду с готовыми изделиями из них, необработанные и выделанные говяжьи и конские кожи, холст и полотно различной «доброты», веревки и канаты и даже порох с селитрой, а также сукна европейского производства, заграничные краски, некоторые колониальные товары. Наконец, Репнин заявлял о готовности развернуть торговлю крупным рогатым скотом с целью укрепления хозяйственных связей с соседними кочующими народами – калмыками и казаками, у которых планировалось закупать скот. Продавать же его он намеревался находившимся под покровительством России народам Северного Кавказа, ощущавшим его нехватку.

Репнин посчитал нужным представить развернутое обоснование своим притязаниям, поскольку ряд товаров входил в «черный» список запрещенных к вывозу в другие страны. Волей-неволей он стал поборником либерализации российского законодательства и отмены нелепых запретов, благодаря которым иностранное купечество, особенно английское, получало конкурентные преимущества. Для иностранцев не составляло труда производить закупки в Петербурге того же российского железа и других товаров, а затем морем отправлять для перепродажи в Персию или Турцию. В глазах меркантилистов своего времени, к которым в

⁵⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Д. 2985. Л. 451.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Д. 2985. Л. 579–579 об., 592–593 об., 623–626 об.

данном случае можно причислить и Репнина, российская казна едва ли не добровольно лишала себя доходов в виде пошлинных сборов, а своих подданных – прибыли от торговли⁶⁰.

В борьбу за монополию на «персидский торг» включилось и армянское купечество во главе с братьями Исахановыми⁶¹. Собственно, они начали зондировать почву при дворе еще в 1752 г., пытаясь завоевать благосклонность Елизаветы Петровны с помощью подаренных ей бриллиантов на «немалую сумму». В ответ императрица через своего камергера Возжинского «благосклонно» повелела передать им свою просьбу в Сенат. Однако тот проявил строптивость, возможно, показную, и отказал под предлогом невозможности наделения недавно принявших российское подданство армянских купцов исключительными торговыми привилегиями.

Тем не менее Исахановы руки не опустили, продолжив настойчиво добиваться своей цели. В 1757–1758 гг. их активность значительно возросла, вызвав беспокойство компании К. Матвеева. Последняя 13 марта 1758 г. поспешила объявить о своем отказе от выдвинутого ранее запроса на беспроцентную казенную ссуду в 100 тыс. руб. и получение чинов⁶². Однако подобный жест уже не возымел никакого действия. Сенат после нескольких поданных Исахановыми прошений стал склоняться на их сторону, пока наконец 15 июня 1758 г. не определился окончательно. В изданном в этот день сенатском указе «Об учреждении торговой компании в Персию» последовал официальный отказ на челобитные К. Матвеева с товарищами и П. И. Репнина. Серьезные коррективы внес Сенат в отношении начинания Р. И. Воронцова и А. П. Мельгунова, постановив оставить в их ведении монополию лишь на вывоз в Персию соли. Все исключительные права на торговлю с Персией любыми другими незапрещенными товарами получила вновь образованная компания Исахановых во главе со старшим братом Манвелем, ставшая отныне официально именоваться Компанией персидского торгова.

Сенатский указ прямо не называл причины оказанного Исахановым предпочтения, но вполне определенно давал понять: предложенные ими условия оказались казне более выгодными, поскольку не содержали требования на получение казенной беспроцентной ссуды и «награждения» учредителей чинами (учитывая содержащееся в тексте самого указа упоминание о последовавшем 13 марта отказе компании К. Матвеева от таких претензий, данная ссылка выглядела не более чем отговоркой). А. И. Юхт высказал и другое вполне резонное предположение о существовании неформальных связей Манвеля Исаханова с царским двором, не говоря уже о подразумеваемом у астраханских армян наличии опыта торговли с Персией и знании конъюнктуры рынка⁶³. Вполне вероятно также стремление правительства пойти навстречу торгово-промышленным кругам Астрахани в связи с их резким недовольством вынашиваемыми московскими купцами планами создания компании-монополии для торговли с Персией. Именно ради смягчения этого недовольства и достижения определенного компромисса компания Исахановых в глазах правительства подходила лучше. К тому же выдвинутые Исахановыми кондиции по образованию акционерного капитала компании, принятые Сенатом, предоставляли больше возможностей для вовлечения в нее низового астраханского купечества и мещанства. Стоимость одной выпущенной акции составляла 150 руб. Всего же намечалось ввести в обращение 4000 акций на общую сумму 600 тыс. руб. Исахановым как учредителям компании дозволялось иметь в своем распоряжении акций на сумму 200 тыс. руб., на 100 тыс. руб. предлагалось приобрести акции бывшим «изобретателям персидского торгова» К. Матвееву с товарищами (эту возможность они отвергли), такая же доля выделялась

⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Д. 2985. Л. 516–518; Юхт А. И. Указ. соч. С. 106–108.

⁶¹ Подробнее о перипетиях этой борьбы см.: Юхт А. И. Указ. соч. С. 108–110.

⁶² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Т. XV. № 10848.

⁶³ Юхт А. И. Указ. соч. С. 109.

астраханскому купечеству; оставшиеся акции на 200 тыс. руб. предлагались всему «...обществу, кто акции свои положить желает»⁶⁴.

Таким образом, созданная после нешуточной борьбы «Компания персидского торгова» выглядела на бумаге вполне дееспособной и «капиталистской», способной оправдать надежды правительства на восстановление русско-персидской торговли. Однако первые же годы ее существования дали неутешительные результаты.

1758 г. оказался для нее потеряннм то ли из-за обострения междоусобной борьбы в Персии, то ли из-за неспособности своевременно организовать подготовку товаров к отправке⁶⁵. И в следующие два года ситуацию переломить не удалось. Согласно донесениям компании в Коммерц-коллегию, объем отправленных морем и сухопутным путем через Кизляр товаров исчислялся в 1759 г. суммой в 63,2 тыс. руб., в 1760 г. – в 60,3 тыс. руб. Закупка персидских товаров в 1759 г. вообще не производилась, а о ее величине в 1760 г. компания умолчала⁶⁶.

Первый тревожный сигнал о состоянии «персидского торгова» прозвучал в октябре 1760 г. Его содержала челобитная многочисленной группы армянских купцов и мещан Астрахани (под ней подписались 32 чел.), решившихся обратиться непосредственно к Елизавете Петровне через Конференцию при высочайшем дворе, чтобы поведать о своих «обидах» и «притеснениях», претерпеваемых от Персидской компании. Челобитная полна резких осуждающих высказываний в адрес компании и развернутых оценочных суждений относительно ее деятельности, а также конкретных деталей, проясняющих общую ситуацию. Но особо интересен указанный документ попыткой обосновать преимущества свободного предпринимательства и торговли не только для самих участников, но и для казны, стремлением доказать вред, наносимый экономике монополиями, в особенности Персидской компанией. Челобитчики также стремились развеять иллюзии насчет имевшихся у членов компании возможностей наладить русско-персидскую торговлю. Прежде всего потому, что не имели сколь-нибудь значительных капиталов или промышленных предприятий, вдобавок у них напрочь отсутствовал опыт самостоятельной внешней торговли. Более того, братьям Исахановым довелось «долгое время» провести в тюремном заключении за «неплатеж долгов». Единственный же состоятельный купец Ф. И. Кобяков, один из директоров компании, внес в качестве пая при вступлении в нее только 6 морских судов, не располагая достаточной свободной наличностью.

Основное утверждение о вреде монополий для государства армянские купцы подкрепляли уверениями в резком сокращении привоза в Россию шелка-сырца и хлопчатой бумаги Персидской компанией, приведшего к быстрому подорожанию данных видов сырья. Особенно чувствительно «возвышение цен» ударило по российской шелкоткацкой промышленности, находившейся в немалой зависимости от поставок именно персидского шелка разных сортов ввиду сложившегося оптимального соотношения цены и качества на него. К аналогичным последствиям привела отдача на откуп той же компанией добычи корня марены. Особенно нуждались в нем суконные мануфактуры, владельцам которых пришлось теперь платить за него почти вдвое дороже – по 4 руб. за пуд или искать замену среди дорогих импортных красителей. С другой стороны, доступного и жизненно важного промысла по добыче корня марены лишились простые обыватели Астраханской губернии.

⁶⁴ ПСЗ. Т. XV. № 10848 (преамбула).

⁶⁵ Юхт А. И. Указ. соч. С. 110–111.

⁶⁶ Юхт А. И. Указ. соч. С. 111.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.